

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барова В. Р. Розена.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.
1902—1903.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1904.

наго успѣха этому полезному изданію, свидѣтельствующему о новомъ вѣяніи въ Ферганѣ, такъ счастливо начавшемся при новой администраціи, во главѣ которой стоятъ видные знатоки края, и увѣрены, что «Ежегодникъ» вызоветъ къ жизни много статей и изслѣдованій, которыя безъ него не появились бы вовсе на свѣтъ.

Н. В.

313. Извѣстія Восточнаго Института, подъ редакцію Директора Института А. Позднѣва. Т. II, вып. IV. Владивостокъ, 1901 г. 1).

Настоящій выпускъ Извѣстій Восточнаго Института состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ и статей:

	Страницы.
Протоколы засѣданій Конференціи Восточнаго Института за 1900—1901 академической годъ	229—286
Лингвистическое введеніе въ изученіе китайскаго языка П. П. Шмидта	359—463
Матеріалы къ изученію Хань-коу В. Надарова	464—522
Японскіе анекдоты и сказки (тексты для первоначальнаго чтенія) Е. Спальвина	19—34
Современная лѣтопись Дальняго Востока	389—520

Наиболѣе интересною въ этомъ выпускѣ является статья г. Шмидта, которая вмѣстѣ съ «Начальными чтеніями по китайскому языку», вмѣстѣ сними войти въ составъ I выпуска III тома Извѣстій, появилась въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Опытъ Мандаринской Грамматики съ текстами для упражненій. Пособіе къ изученію разговорнаго китайскаго языка Пекинскаго нарѣчія» (Владивостокъ, 1902 г.). Работа эта представляетъ собою довольно отрадное явленіе въ русской синологической литературѣ, внушая надежду, что литературѣ этой бу-

---

1) Въ замѣткѣ о предшествующихъ выпускахъ Извѣстій (см. Зап. В. О., XIV стр. 0115—0135) былъ, между прочимъ, помѣщенъ сдѣланный А. И. Ивановымъ переводъ надписи на китайской печати, которую А. В. Рудаковъ, авторъ статьи: «Общество И-хэ-гуань», считаетъ принадлежащей главному боксерскому жертвеннику въ Мукденѣ. Такъ какъ переводъ этотъ сильно отличается отъ перевода г. Рудакова, то г. Ивановъ, по прибытіи въ Пекинъ, подвергъ новому разбору надпись при помощи китайцевъ, при чемъ послѣдніе, вмѣсто данныхъ г. Ивановымъ иероглифовъ 承 и 壇, прочитали 奉 и 壇, хотя послѣдній иероглифъ, по мнѣнію китайцевъ, изображенъ на надписи неправильно. Г. Рудаковъ также, очевидно, правильно разбираетъ иероглифъ 壇, однако это не устраняетъ высказанныхъ мною по поводу разсматриваемой надписи сомнѣній. Переводъ г. Рудакова становится до известной степени объяснимымъ только въ томъ случаѣ, если предположить, что слова «въ Мукденѣ» онъ не вычиталъ изъ надписи, а вставилъ самъ для поясненія, не указавъ однако, чѣмъ онъ при этомъ руководствовался.

детъ дано новое направленіе, которое доньнѣ было ей чуждо. Конечно, Россія по справедливости можетъ гордиться именами оо. Іакинѳа и Палладія и В. П. Васильева, которые положили прочное основаніе русскому китаевѣдѣнію, но нельзя отрицать, что направленіе, данное ими послѣднему, страдало извѣстною односторонностію. Посвятивъ себя всецѣло изученію необъятной и крайне мало, если не сказать больше, изслѣдованной китайской литературы и литературнаго языка и давъ въ этой области капитальные труды, русскіе сѣнологи, часто въ силу неизбежной необходимости, оставляли почти безъ всякаго вниманія живую рѣчь китайцевъ. Нѣкоторое изъятіе дѣлалось при этомъ лишь въ пользу пекинскаго нарѣчія, но и по изслѣдованію его почти никакихъ научныхъ трудовъ не появлялось, и желающимъ приходилось изучать его лишь на практикѣ. Создавъ вполне самостоятельно русскую науку китаевѣдѣнія, наши ученые очень мало интересовались тѣмъ, что дѣлалось въ этой области на Западѣ, а между тѣмъ тамъ сѣнологія дѣлала быстрые успѣхи во всѣхъ своихъ отрасляхъ, широко пользуясь результатами, добытыми въ другихъ областяхъ знанія. При такихъ условіяхъ естественно въ русской сѣнологіи, по сравненію съ западной, оказались довольно существенные пробѣлы.

Г. Шмидтъ дѣлаетъ, можно сказать, первую попытку къ восполненію этихъ пробѣловъ. Въ своемъ «Лингвистическомъ введеніи въ изученіе китайскаго языка» онъ даетъ намъ обстоятельное резюме изслѣдованій западныхъ ученыхъ въ области фонетики китайскаго языка, каковы Edkins, Arendt, Giles, Watters и др., при чемъ нѣкоторыя явленія онъ освѣщаетъ и своими личными наблюденіями, въ особенности изъ области монголовѣдѣнія, которое доньнѣ оставалось почти совершенно чуждымъ Западу.

Наиболѣе важнымъ въ введеніи г. Шмидта является вопросъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергался китайскій языкъ въ своемъ постепенномъ развитіи. Г. Шмидтъ, вопреки мнѣнію В. П. Васильева, доказываетъ, что мандаринское и вообще сѣверныя нарѣчія измѣнились гораздо сильнѣе, чѣмъ нѣкоторыя юго-восточныя нарѣчія, сохранившія доньнѣ многія особенности древняго, какъ думаетъ г. Шмидтъ, китайскаго языка, напр., окончанія на согласные *к*, *т*, *п* и *м*. Доводы г. Шмидта въ общемъ нельзя не признать убѣдительными, но, какъ мнѣ кажется, здѣсь все-таки возможно возраженіе, что приводимые авторомъ примѣры часто носятъ лишь случайный характеръ. Нѣкоторыя сомнѣнія въ данномъ вопросѣ тѣмъ болѣе возможны, что г. Шмидтомъ не опровергнутъ главный доводъ, на которомъ В. П. Васильевъ основывалъ противоположное мнѣніе, а именно — осталось совершенно не выясненнымъ, какимъ образомъ жаргонъ провинцій, вошедшихъ въ составъ Китая гораздо позже и населенныхъ инородцами, могъ пре-

терпѣть меньшія измѣненія, чѣмъ говоры областей съ кореннымъ и сплошнымъ китайскимъ населеніемъ. Слѣдуетъ, повидимому, признать, что разрѣшеніе сомнѣнія В. П. Васильева въ настоящее время затруднительно и, быть можетъ, даже совершенно невозможно при крайней недостаточности нашего знакомства съ китайскими нарѣчіями и языками инородцевъ Китая. Корень вопроса здѣсь, какъ кажется, лежитъ въ томъ вліяніи, которое оказалъ на китайцевъ инородцы-aborигены. Во всякомъ случаѣ не подкрѣпленная положительными доводами догадка г. Шмидта, что исчезновеніе на сѣверѣ конечныхъ согласныхъ *к*, *т*, *н* и *л* произошло подъ вліяніемъ киданей и чжурчженей, мнѣ кажется преждевременной; противъ нея говорить уже то, что въ языкахъ этихъ народовъ имѣлись въ концѣ слоговъ и словъ исчезнувшіе у китайцевъ звуки.

Въ вопросѣ относительно времени, когда произошли въ китайскомъ языкѣ тѣ или нынѣ фонетическія измѣненія, г. Шмидтомъ упущенъ изъ виду одинъ источникъ, который, вѣроятно, оказался бы небезполезнымъ при установленіи даты означенныхъ измѣненій. Этотъ источникъ — грамата Алтанъ-хана туметскаго 1580 г., помѣщенная А. М. Позднѣвымъ въ «Восточныхъ Запискахъ». Въ ней, какъ извѣстно, имѣется монгольская транскрипція многихъ китайскихъ іероглифовъ, въ которой встрѣчаются отсутствующія въ современномъ мандаринскомъ нарѣчій особенности: *л* въ концѣ звуковыхъ комплексовъ (欽 𠵿, 金 𠵿, 俺 𠵿), гласный *и* между шипящими *л* и (鎮 𠵿, 勝 𠵿, 成 𠵿), йотированные гортанные (吉 𠵿, 乞 𠵿, 亨 𠵿). Если бы ближайшее изученіе этого памятника показало, что транскрипція китайскихъ іероглифовъ въ немъ сдѣлана уроженцемъ одной изъ сѣверныхъ провинцій Китая, то нѣкоторые выводы г. Шмидта, вѣроятно, пришлось бы измѣнить. Во всякомъ случаѣ грамата Алтанъ-хана заслуживаетъ вниманія не только монголистовъ, но и синологовъ.

Нѣкоторыя даты г. Шмидта способны вызвать недоумѣніе. Начало правленія Юаньской династіи (по отношенію къ Китаю) онъ неизмѣнно относитъ къ 1206 г., т. е. ко времени принятія Чингисъ-ханомъ императорскаго титула. Тогда однако монгольскій завоеватель даже не начиналъ войны съ чжурчженями; дѣйствительное же начало новой династіи въ Китаѣ было положено лишь Хубилаемъ. Введеніе въ употребленіе квадратнаго монгольскаго письма г. Шмидтъ относитъ къ «самому началу XIII вѣка» (стр. 395), тогда какъ на дѣлѣ это произошло въ 1269 г.

Крайне затруднительно согласиться съ выводами автора относительно транскрипціи звуковъ китайской рѣчи. Указавъ на цѣлый рядъ недостатковъ различныхъ существующихъ нынѣ системъ этой транскрипціи и, въ

частности, принятой русскими синологами, г. Шмидт приходит однако къ заключенію, что важнѣе всего соблюдать въ этомъ дѣлѣ простоту, послѣдовательность и установившіяся правила правописанія, такъ какъ при помощи нашихъ алфавитовъ все равно немислимо точно передать всѣ оттѣнки произношенія звуковъ любого языка. Правъ авторъ только съ чисто практической точки зрѣнія, поскольку дѣло идетъ объ употребленіи лишь существующихъ въ нашихъ алфавитахъ знаковъ и, пожалуй, даже объ изученіи какого-либо опредѣленнаго нарѣчія. И русскіе синологи могли мириться съ несовершенствами установленной ихъ учителями транскрипціи въ виду ея крайней простоты (она ограничивается лишь знаками русскаго алфавита безъ какихъ-либо дополнительныхъ обозначеній), пока дѣло шло объ изученіи одного пекинскаго нарѣчія: синологамъ хорошо было извѣстно, какіе въ дѣйствительности звуки этого нарѣчія соотвѣтствуютъ тому или иному знаку, хотя среди неспециалистовъ наша транскрипція всегда вела къ недоразумѣніямъ и вызывала сплѣныя нападки. Дѣло однако крайне осложняется, когда наши синологи приступаютъ къ изученію различныхъ нарѣчій китайскаго языка, что, будемъ надѣяться, произойдетъ въ ближайшемъ же времени. Тогда для научныхъ цѣлей окажется совершенно невозможнымъ ограничиваться лишь знаками русскаго алфавита; придется ввести цѣлый рядъ дополнительныхъ знаковъ для передачи такихъ оттѣнковъ звуковъ, которые нынѣ вовсе не находятъ себѣ выраженія въ нашей синологической литературѣ. Въ отношеніи нѣкоторыхъ другихъ языковъ это уже давно выполнено съ успѣхомъ; безъ этого невозможно научное изслѣдованіе нарѣчій и китайскаго языка. Нынѣшняя же русская система транскрипціи всегда сохранитъ свое значеніе при обозначеніи чтенія іероглифовъ по пекинскому нарѣчію и въ особенности для неспециалистовъ, среди которыхъ ей слѣдуетъ пожелать болѣе широкаго распространенія, чѣмъ это наблюдалось доннынѣ.

Г. Надаровъ помѣстилъ окончаніе своего труда о Хань-коу, содержащее свѣдѣнія о торговлѣ этого порта и связанныхъ съ нимъ пунктовъ Внутренняго Китая. Подобно прежнимъ статьямъ, и настоящая отличается своею обстоятельностью, но автора нельзя не упрекнуть за то, что онъ оставилъ совершенно безъ вниманія отчеты пребывающихъ въ Хань-коу консуловъ, особенно англійскихъ; отчеты эти изъ года въ годъ публикуются и заключаютъ въ себѣ болѣе разностороннія свѣдѣнія о развитіи торговли названнаго порта, чѣмъ отчеты китайскихъ морскихъ таможенъ, содержащіе преимущественно лишь статистическія данныя. Нельзя также одобрить системы пользованія свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ, напр., изъ компилятивныхъ по преимуществу трудовъ Коростовца, Покотилова, Реклю. Возбуждаетъ сомнѣніе указаніе автора на стр. 489 о транзитной пошлинѣ для европейскихъ

товаровъ въ $2\frac{1}{2}\%$ ad valorem, которая будто бы отмѣнена. Если г. Нада-ровъ разумѣетъ здѣсь ту «половинную» пошлину, которая взимается на основаніи договоровъ (а о какой-либо другой едва ли можетъ идти рѣчь), то она отмѣнена быть не могла; возможно лишь, что сами купцы не признають для себя выгоднымъ пользоваться предоставленнымъ имъ правомъ освободить свои товары отъ внутреннихъ сборовъ уплатою транзитной пошлины.

Г. Спальвинъ продолжаетъ печатать японскіе тексты для начинающихъ (безъ примѣчаній). Вл. К.

314. Справочная книжка Самаркандской области. 1902 г. Изданіе Самаркандскаго Областнаго Статистическаго Комитета. Подъ редакціей И. д. Секретаря Статистическаго Комитета М. Вирсаго. Выпускъ VII. Самаркандъ 1902. 94 + 193 стр. 8°.

Настоящимъ выпускомъ возобновляется, послѣ четырехлѣтняго перерыва, изданіе Самаркандскаго Статистическаго Комитета, на которое мы постарались обратить вниманіе читателей З. В. О. при появленіи 6-го выпуска (З. В. О., т. XII, стр. 0122 — 0125). Значительная часть 7-го выпуска посвящена вопросу о развитіи пчеловодства въ Самаркандской области и Бухарскомъ ханствѣ и описанію первыхъ попытокъ въ этомъ направленіи (статьи М. Вирсаго, Ө. Ө. Поспѣлова, В. И. Чертова, І. А. Бржезицкаго и И. Л. Назарова). Сверхъ того сборникъ заключаетъ въ себѣ статьи: 1) агронома П. В. Познякова, Русскіе поселки въ Голодной степи Самаркандской области въ 1898—99 гг.; 2) М. Вирсаго, Землевладѣніе и денежныя повинности въ Самаркандскомъ уѣздѣ; 3) В. І. Вяткина, Матеріалы къ исторической географіи Самаркандскаго вилаета; 4) Е. И. Пахомовой, Изъ записной книжки женщины-врача; 5) врача К. М. Афрамовича, Рисовыя поля и лихорадка; 6) М. Вирсаго, Рѣка Зеравшанъ и приращенное дѣло въ бассейнѣ ея.

Статистическій и этнографическій матеріалъ, собранный въ перечисленныхъ статьяхъ, конечно, принесетъ пользу лицамъ, изучающимъ современный бытъ населенія области и средства къ дальнѣйшему развитію его благосостоянія. Съ своей стороны мы позволимъ себѣ подробнѣе остановиться на статьѣ В. Л. Вяткина, представляющей «первую попытку сгруппировать географическія свѣдѣнія о Самаркандскомъ вилаетѣ, при томъ за продолжительный періодъ—начиная съ эпохи правленія тимуридовъ и до занятія страны русскими». Главнымъ источникомъ автора были такъ называемые вакуфные документы, въ которыхъ обыкновенно точно указы-